Автор: Иванченко Г.(Россия)

Многообразие трактовок счастья в российской культуре находит свое отражение в вариативности отношения к нему как к ценности — от «Человек создан для счастья, как птица для полета» В. Ко-ро-лен-ко до «Почему ты решила, что должна быть счастлива?» (вопрос О. Мандельштама, заданный им жене). Недавно, кстати, формула Короленко была креативно переосмыслена Игорем Клехом, провозгласившим, что «Человек создан для полета, как птица для счастья». В этом варианте созидательная и достижительная сущность человека контрастирует с самодостаточным существованием животных, как и нерелексивное счастье животных — с балансом счастья и страданий человеческой жизни.

Что ассоциируется со счастьем у «обычного человека»? Филолог С.Г. Воркачев проанализировал данные опроса через СМИ более 200 человек, отвечавших на вопрос «что такое счастье». Наиболее распространенным оказался взгляд на счастье как на отсутствие страданий, покой, безмятежность, отсутствие забот. В три раза реже встречается взгляд, определяющий счастье через удовольствие и наслаждения, когда «душа поет», «душа радуется», когда «тебе хорошо». Примерно столько же ответов напрямую привязывают счастье к любви. На четвертом месте идут определения счастья через исполнение желаний, мечты, достижение целей, далее идут еще более редкие представления (Воркачев, 2004, с. 102-114).

В философии известен так называемый парадокс счастья, который сформулировал Джеймс Стюарт Милль: не стремиться к счастью и уметь обходиться без него — самый надежный путь к его обретению. С тех пор вновь и вновь этот парадокс подтверждался: чем больше мы стремимся к счастью, тем с большей вероятностью оно ускользает, но оно приходит само, если не ставить его выше всего остального, а упорно преследовать другие достойные цели в нашей жизни.

Однако насколько достойные цели будут склонны ставить перед собой люди? Известный изобретатель Г.С. Альтшуллер в книге «Как стать гением» говорит о том, что достойная цель, как правило, лежит в области отсутствия конкуренции. Это обеспечивает качественную работу без суеты, без спешки, без халтуры. Но много ли людей, готовых большую часть жизни ждать результата? Кроме того, даже в самых благополучных странах весьма невелик процент тех, для кого на первом месте стоят не материальные, а «постматериалистические» ценности (самореализация, хорошие отношения, безопасная, экологичная среда и т.п.).

Мы не ставим вопрос, в какой степени историческое развитие человечества вело к повышению человечности «среднего человека», а в какой — к снижению. Ярчайший пример — отношение к ребенку, за которым только недавно — по историческим меркам — признали все человеческие права. Здесь, действительно, можно говорить о «повышении человечности». Но немало и сторонников противоположной точки зрения — в основном они апеллируют к искусственности и убогости «человеческой нормы»

«массового общества».

Д.А. Леонтьев (2004а) говорит о неравенстве «обычных», «нормальных» взрослых людей, которое «определяется мерой их индивидуальной онтогенетической эволюции, являющейся следствием их личного выбора и усилия. Вариативность людей проявляется не просто в выраженности тех или иных индивидуальных особенностей и в своеобразии внутреннего мира, а в качественной разнородности форм саморегуляции, самоорганизации и отношений с миром у разных людей. Иногда при взгляде вокруг складывается впечатление принадлежности людей, внешне довольно похожих друг на друга, к разным биологическим видам. Качественная разнородность людей имеет под собой объективную основу. Однако она определяется не априорным разделением людей по «кастам», а мерой индивидуального продвижения по пути очеловечивания» (Леонтьев, 2004, с. 107-108).

Если даже в самых лучших условиях жизни не все достигают подлинной человечности и зрелости, есть ли выход? Возможны ли направленные усилия общества по формированию сообразных человеку условий воспитания, образования, жизни в целом (а не по «селекции» или трансформации индивидов в «нужном» направлении оруэлловских или замятинских антиутопий)? Косвенным индикатором необходимости таких усилий по гуманизации общества является огромная популярность книг по самосовершенствованию и немалый интерес к практической философии в самых разнообразных вариантах.

Можно говорить о мощной практико-философской составляющей гуманистического движения. «Всеобщая декларация прав человека» (1948), «Гуманистический манифест I» (1933), «Гуманистический манифест II» (1973), «Декларация светского гуманизма» (1980) и «Декларация взаимной зависимости» (1988), «Гуманистический манифест 2000» — все эти эпохальные документы не только отражают потребности и чаяния своего времени, но и идеал личности, свобода которой согласована с ответственностью перед обществом.

Выдающийся мыслитель современности П. Куртц почти 20 лет назад высказал мысль о необходимости евпраксофии — науки, выводящей из *sofia*, мудрости, нормативных следствий для нашей практической жизни. Сводя воедино современное им и наиболее достоверное знание о природе и человеческом роде, евпраксофы также будут заниматься евпраксией, благим образом жизни — от *eu* (благо) и *praxis* (образ жизни). В будущем, полагает П. Куртц, евпраксофия должна стать отличительным качеством каждого образованного человека; каждый должен стать способным к рефлексивным суждениям и скептическому исследованию, обладать достаточно верными представлениями о вселенной, способностью формулировать практические суждения (Куртц, 2005).

В проекте евпраксофии соединяются общественный идеал (общество, состоящее из свободных, рефлексивных, толерантных индивидов) и идеал личности, обладающей максимумом возможностей благодаря своей вооруженности *sofia*.

Наряду с евпраксофией, проекты разной степени детальности, масштабности,

индивидо- и социоцентрированности были предложены в последние десятилетия гуманистической психологией, экзистенциальной психологией, позитивной психологией.

Гуманистическая психология, созданная более чем полвека назад работами А. Маслоу и К. Роджерса, чаще всего воспринимается в своем раннем «потенциалистском» варианте, который предполагает наличие врожденных человеческих свойств, в том числе стремления к самоактуализации. При благоприятных условиях эти качества разворачиваются «сами собой», переходя из потенциальной в актуальную форму (позже А. Маслоу и его последователи существенно трансформировали эту первоначальную «модель»). Таким образом, казалось, что достаточно создать хорошие, благожелательные условия для развития ребенка — и бо́льшая часть социальных и пси-хо-ло-ги-че-ских проблем будет разрешена.

Существенно иным оказался взгляд на перспективы человека в экзистенциальной психологии (Л. Бинсвангер, М. Босс, С. Мадди, -Р. Мэй, В. Франкл). Настаивая на негарантированности человеческого в человеке, экзистенциальная психология особую роль придавала понятиям ответственности, выбора, аутентичности. Несмотря, а может быть, и благодаря вниманию, уделяемому трагическим аспектам человеческого существования, это направление предложило гораздо менее фаталистический взгляд на возможности человека. В любой момент своей жизни человек может продвинуться как вперед, к подлинности, интегрированности, так и сделать свободный выбор в пользу менее требовательных, «субчеловеческих» способов существования. Позитивная психология (М. Селигман, М. Чиксентмихайи, К. Пе-тер-сон) возникла совсем недавно в противовес концентрации большинства психологических подходов на отклонениях, болезнях и нарушениях функционирования. Оказалось, что закономерности счастливой, благополучной жизни практически не изучены. Особое внимание в позитивной психологии уделяется «личностным добродетелям» и «силам характера» как ресурсам приспособления к миру и овладения им. Именно позитивные личностные образования помогают субъекту выдерживать напряжение подлинно человеческого, продуктивного существования.

Как это напряжение связано со счастьем? Есть данные о том, что уровень счастья тесно связан с продуктивностью, с производительностью труда человека (см. Леонтьев, 2004б). Творческое горение, забота как прекрасное в своем постоянстве усилие, самосовершенствование — все эти трансцендентные состояния, поднимающие нас над нами актуально существующими, видимо, необходимы для ощущения счастья. М.Р. Сило в книге «Внутренний пейзаж» напоминает о том, что только путь усилий может увести с путей смерти и саморазрушения.

Счастье, на наш взгляд, безусловно должно рассматриваться не как единственное или главное стремление человека, не как его неотъемлемое право, но в контексте экзистенциальных проблем современного человека, а именно:

1. ощущения пустоты — при переполненности впечатлениями, информацией, контактами;
2. риска и уязвимости — на фоне небывалых достижений медицины и технологий

обеспечения безопасности;

3. стремления к совершенству — на фоне катастрофического снижения стандартов и требуемых компетенций;

4. экзистенциальной тревоги, борьба с которой только усиливает ее;

5. рационализация выборов и стратегий (вплоть до непрерывной калькуляции) — при массовом распространении потребительских аддикций.

Общим для всех этих проблем является неустранимое противоречие между необходимостью выхода за пределы уровня социального Я для придания глубины и энергии поиску смысла жизни, и невозможностью сделать это в рамках идеологии потребления.

Отношение к счастью является отличной иллюстрацией принудительного характера потребления. Ж. Бодрийар (2006) обосновывает парадоксальную связь пуританской этики с компульсивным характером потребностей: именно пуританская этика придает им внутренний импульс и определяет их навязчивый и безграничный характер. Принуждающий характер труда сменился принуждающим характером досуга, о чем еще полвека назад писала Ханна Арендт. В работе «*Vita active, или О деятельной жизни*» она вскрывает глубокие социокультурные корни необходимости смены состояний для человека. Движение к счастью подвело массы к такому состоянию общества, когда «культуру применяют, злоупотребляя ею и потребительски истощая ее, для развлечения масс, которым надо убить пустое время» (Арендт, 2000, с. 172). Массовое общество, говорила Ханна Арендт почти полвека назад, находится в состоянии всеобщего недовольства, острой, заразной несчастью среди своего изобилия. От чего же страдают массы? «Просто-напросто от полностью разрушенного равновесия между трудом и потреблением, между деятельным бытием и покоем» -(там же).

Человек панически боится любых неприятностей и отрицательных эмоций и практически никогда не бывает счастлив, кроме того, «быть счастливым» требуют безжалостное «Сверх-Я» и общество, отмечает Паскаль Брюкнер в «Вечной эйфории, или Эссе о принудительном счастье» (Брюкнер, 2007). Прелести потребительского рая позволяют ненадолго забыть покупателю, что он всего лишь потребитель безличных услуг и благ, не слишком желанный гость, которого терпят на определенных условиях (платежеспособность и лояльность), к которым его человеческая сущность не имеет отношения.

Культура XXI века ярче, чем когда-либо, показывает утопичность попыток построить общество, где счастлив будет каждый без исключения. Как признание необходимости и обязательности счастья, так и безудержное стремление к нему неминуемо разрушают искомое счастье. Вспомним, что по данным С. Воркачева для большинства людей отсутствие усилий, безмятежное и беспроблемное существование являются синонимом счастья. Еще Э. Фроммом было подмечено, что одним из преобладающих современных типов социального характера является «рыночная ориентация», предпосылкой которой является пустота, отсутствие всякого специфического свойства, которая не может быть предметом обмена, поскольку любая

устойчивая черта характера в один прекрасный день может вступить в противоречие с требованиями рынка» (Фромм, 1998, с. 68).

Если же мы попытаемся дать «на счастье» каждому живущему на земле индивиду стандартный западный набор потребительских благ, мы окончательно разрушим биосферу и все равно, на ином имущественном уровне, воспроизведем зависть, неравенство, несчастье.

Итак, если гуманисты придут к пониманию, что счастье является относительным, а не абсолютным благом, что концепт счастья сверхэксплуатируем и «затерт» массовой культурой, тогда гуманистическое движение, может быть, потеряв часть потенциальных сторонников, обновит и уточнит свое понимание человека как высшей ценности. Не все в человеке достойно этой оценки, причем в каждом из нас — Джон Фаулз в трактате «Аристос» говорит о том, что граница между избранными Немногими и массой Многих проходит в душе у каждого (Фаулз, 2003). Если же нереалистическое и опасное для человечества требование «счастья каждому» останется в арсенале гуманистического движения, то иные течения и идеологии зададут счастью уже пост-гуманистическую перспективу.

Литература:

1. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. Пер. с нем. и англ., СПб, 2000.
2. Бодрийар Ж. *Общество потребления. Его мифы и структуры*. Пер. с франц. М., Культурная революция, 2006.
3. Брюкнер П. *Вечная эйфория. Эссе о принудительном счастье*. Пер. с франц. СПб, 2007.
4. Воркачев С.Г. *Счастье как лингвокультурный концепт*. М., 2004.
5. Куртц П. *Утверждения. Жизнь, полная радости и творчества*. Пер. с англ. М., 2005.
6. Леонтьев Д.А. *К дифференциальной антропологии*. // *Наука и будущее: идеи, которые изменят мир*. Материалы международной конференции. М., 2004а. С. 107-109.
7. Леонтьев Д.А. *На пути к счастью*. // *Энциклопедия для детей. Человек. Ч.3. Духовный мир человека*. М., 2004б.
8. Фаулс Дж. *Аристос*. Пер. с англ. СПб: Symposium, 2003.
9. Фромм Э. *Типологические модели социальных характеров*.// *Психология и психоанализ характера*. Хрестоматия. Самара, 1998.